

Глава четвертая

ТИПИЧЕСКОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ В РОМАНЕ «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Художественный метод Чернышевского в работе над образами романа «Что делать?» не будет охарактеризован с достаточной полнотой, если мы установим только принцип отбора типического. Одно из основных требований реалистического искусства — это единство типического и индивидуального, умение раскрыть социально-существенное, типическое во всем богатстве и многообразии индивидуальных проявлений человеческого характера.

На эту особенность реализма настойчиво указывала революционно-демократическая критика. Белинский требовал от художника-реалиста, «чтобы лицо, будучи выражением целого особого мира лиц, было в то же время и *одно* лицо, целое, индивидуальное. Только при этом условии, только через примирение этих противоположностей, и может оно быть типическим лицом»¹.

Значение этого требования для каждого художника-реалиста подчеркивали Маркс и Энгельс в своей переписке с писателями.

Так, Ф. Энгельс в письме к М. Каутской по поводу ее книги «Старое и новое» говорил: «Характеры той и другой среды обрисованы с обычной для Вас четкостью индивидуализации; каждое лицо — тип, но вместе с тем и вполне определенная личность, «этот», как сказал бы старик Гегель; так оно и должно быть»².

Без такой индивидуализации, без четкого разграничения и

¹ В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. IV, стр. 73. Подчеркнуто автором.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч.; т. XXVII, стр. 505.

даже противопоставления индивидуальных особенностей и свойств характеров, без художественного отображения неповторимого своеобразия личности типические характеры превращаются в сухие схемы или, как выразился К. Маркс, отмечая основной недостаток драмы Лассалля, «в простые рупоры духа времени».

Чернышевский придавал громадное значение искусству индивидуализации в художественном творчестве, выступая против тех писателей, у которых «нет бесконечного разнообразия, нет жизни». Он требовал от художника изображения «лиц живых, разнообразных при всей своей типичности».

В связи с характеристикой Сторешникова Чернышевский пишет в романе: «Историки и психологи говорят, что в каждом частном факте общая причина индивидуализируется» (по их выражению) местными, временными, племенными и личными элементами, и будто бы они-то, особенные-то элементы, и важны, — то есть, что все ложки хотя и ложки, но каждый хлебает суп или щи тою ложкою, которая у него, именно вот у него в руке, и что именно вот эту-то ложку надобно рассматривать. Почему не рассмотреть?»

Элемент иронии, с которой говорит Чернышевский об «историках и психологах», относится к тому, что Энгельс называл «плохой индивидуализацией», «которая сводится к мелочному умничанью и составляет существенный признак выдыхающейся литературы эпигонов»¹.

Но самую мысль о том, что общее, типическое проявляется через частное, индивидуальное, он не только принимает всерьез, но кладет в основу своей работы над созданием образа. Поэтому каждого представителя «депотопного мира» он наделяет не только теми чертами, которые свойственны всем ему подобным, но и индивидуальными особенностями, в которых эти черты проявляются.

Конечно, характеры Сторешникова, Сержа, Соловцова имеют между собой много общего — это представители одного социального типа. Все они — люди праздные, избалованные привилегиями и привычкой к роскоши, хилые колосья, выросшие на почве «гнилой грязи» паразитического существования. Их между собой объединяет именно то, что радикально отличает всех их вместе взятых от новых людей.

Но эта общность основных, определяющих черт не мешает им быть весьма различными. Индивидуальная физиономия Сторешникова определяется тем, что дряблость характера закономерно дополняется в нем упрямством, потому что «для людей бесхарактерных очень завлекательна мысль: «Я не

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXV, стр. 259.

боюсь, у меня есть характер». Эта особенность Сторешникова подчеркнута массой художественных деталей: Сторешников труслив в любом столкновении с более сильным характером; он проявляет угодливость по отношению к Вере Павловне, как только почувствовал, что она сильнее, он теряется перед Лопуховым, едва обнаружилось, что богатство и чин не вызывают у него ни малейшего почтения. И в то же время он отыгрывается на людях, зависимых от него, проявляющих слабость в отношениях с ним. Так, однажды, воспротивившись деспотизму матери, он «с удвоенным усердием гонял на корде свою родительницу, — занятие, доставлявшее ему немало удовольствия».

Сторешников умеет либо помыкать людьми, либо пресмыкаться перед ними — третьего способа обращения он просто не знает. Чувство человеческого достоинства ему не свойственно. Когда он пытается утвердить свою волю над волей другого, он опирается не на личное превосходство, а на внешние преимущества: в случае с матерью, например, на то, что он является юридическим владельцем и распорядителем имущества.

Соловцов такой же «дрянной» человек, как и Сторешников.

Но то же своекорыстие, мелкое тщеславие, пошлое сладострастие в отношении к женщине у него проявляется иначе. Соловцов не «бесхарактерен». Наоборот, он умеет добиваться своих целей, всегда низменных и грязных. Он обманывает тех, в ком заинтересован, умением держать себя «много изящнее всех других», представиться даже возвышенным и тонким. Так он завоевывает доверие Полозовой в надежде овладеть ее приданым. Это энергичный, хитрый, деятельный мерзавец, цинически расчетливый и лицемерный. Он способен только «загрязнить, заморозить, изъесть своей мерзостью порядочную женщину».

В обоих случаях мы видим одни и те же черты дворянского паразитизма и своекорыстия, но проявляются они в различных, даже противоположных индивидуальных формах. Чернышевский искусно *разграничивает и противопоставляет* характеры по их индивидуальным особенностям даже в пределах одного и того же социального типа. Энергия и дряблость, активность и пассивность, сознательное лицемерие хитрого хищника и бессознательное, почти инстинктивное приспособленчество тупого паразита противопоставлены в образах Жана Соловцова и Сторешникова. Образ Сержа — это третий индивидуальный вариант того же социально-психологического типа.

Индивидуализация персонажей у Чернышевского — это не простое «сочетание» типичного и индивидуального, не механическое добавление индивидуальных особенностей к чертам обобщенного социального типа. Индивидуальное выступает

в образах романа как *форма проявления* типичного. Типичное относится к индивидуальному как сущность к явлению, как содержание к форме, они взаимопроникают друг друга. В этом сказывается глубокий реализм писателя: его метод создания типического характера отражает живую связь явлений действительности, реальное многообразие форм существенного, закономерного, типичного.

Реалистическое мастерство художественной индивидуализации четко обнаруживается и в изображении положительных героев романа. Только в противопоставлении с «допотопными людьми», с представителями эксплуататорского общества они кажутся одинаковыми, так как составляют единый социальный тип. «Ну что же различного скажете вы о таких людях? Все резко выдающиеся черты их — черты не индивидуумов, а типа, типа до того разнящегося от привычных тебе, проницательный читатель, что его общими особенностями закрываются личные разности в нем».

Но стоит только выйти за пределы противопоставления новых людей людям «допотопным» — сразу обнаруживается многообразие индивидуальных характеров, гораздо более широкое, чем это возможно среди людей «старого мира»: «В этом, повидимому, одном типе, — писал Чернышевский, — разнообразие личностей развивается на разности более многочисленные и более отличающиеся друг от друга, чем все разности всех остальных типов разнятся между собой».

Это относится, по мысли Чернышевского, не только к «обыкновенным» новым людям, но также и к людям «особенным», еще совсем редким в то время, к людям рахметовского типа. В тех восьми представителях этого типа, на личное знакомство с которыми ссылается автор, индивидуальное своеобразие каждого характера было особенно ярко выражено: «Они не имели сходства ни в чем, кроме одной черты. Между ними были люди мягкие и люди суровые, люди мрачные и люди веселые, люди хлопотливые и люди флегматические, люди слезливые... и люди, ни от чего не перестававшие быть спокойными. Сходства не было ни в чем, кроме одной черты, но она одна уже соединяла их в одну породу и отделяла от всех остальных людей».

Индивидуальное своеобразие новых людей Чернышевский связывает с многообразием форм труда и общественной деятельности в соответствии с личными склонностями и способностями каждого из своих героев. Благодаря этому каждый из положительных героев служит в общей системе образов для раскрытия одной из важнейших сторон содержания романа: каждый представляет одну из возможных и необходимых форм служения общественному благу.

Так, например, Лопухов и Кирсанов различаются между собой не только тем, что один был склонен к замкнутости, а другой к общительности, один был спокойнее и рассудительнее, а другой более экспансивен и порывист. Эти индивидуальные различия в складе характера больше имели значение в частной, семейной жизни.

Более существенны те индивидуальные различия между Лопуховым и Кирсановым, которые определили различный характер их трудовой и общественной деятельности. Лопухов обнаруживает большую склонность к пропаганде передовых идей среди молодежи, к организации и подготовке новых и новых людей для борьбы за общественное переустройство жизни. Это в такой же мере, как желание поскорее выручить Веру Павловну из ее семейства, определило его отход от научной деятельности в области медицины, определило его дальнейший путь превращения в профессионального революционера.

Лопухова Чернышевский неоднократно называет пронагандистом. Он подчеркивает, что вокруг него всегда много учащейся молодежи, что молодые гости, постоянно бывающие по вечерам в его доме, «очень уважают Лопухова, считают его одною из лучших голов в Петербурге... Настоящая связь их с Лопуховым заключается в этом: они находят полезными для себя разговоры с Дмитрием Сергеевичем».

Сам Лопухов эти разговоры со студентами считает не отдыхом, а делом, утверждая, что они имеют «практическую полезную цель — содействие развитию умственной жизни, благородства и энергии в молодых людях». Поэтому, в отличие от жены и Кирсанова, на вечерах в доме Лопуховых сам Лопухов очень редко увлекался танцами, пением и другими развлечениями, предпочитая разговоры на серьезные темы.

Беседы с молодежью составляли для Лопухова основную и излюбленную форму общественно-полезной трудовой деятельности. «Это был труд, — говорит Лопухов, — но труд такой легкий, что годился на восстановление сил, израсходованных другими трудами, не утомляющий, а освежающий, но все-таки труд; поэтому личность не имела тут требований, которые ставила для отдыха. Тут я искал пользы, а не успокоения».

При первой возможности Лопухов бросает частные уроки, так как считает их для себя «мало интересными», и находит работу в заводской конторе. Он объясняет, «как занятие в заводской конторе ему не надоело, потому что оно важно, дает влияние на народ целого завода, и как он кое-что успевает там делать: развеял охотников учить грамоте, выучил их, как учить грамоте, вытянул из фирмы плату этим учителям, доказавши, что работники от этого будут меньше портить машины и рабо-

ту, потому что от этого пойдет уменьшение прогулов и пьяных глаз, плату самую пустую, конечно, и как он оттягивает рабочих от пьянства, и для этого часто бывает в их харчевнях, — и мало ли что такое».

Этот путь и приводит его к поездке за границу с поручением Рахметова и к переходу на полулегальное положение, когда он возвращается в Россию и действует под чужим именем.

В образах «обыкновенных новых людей» разграничение характеров по их индивидуальному разнообразию, по различию личных склонностей, творческих способностей и интересов является одновременно способом художественного анализа тенденций дальнейшего развития нового человека. Лопухов и Кирсанов в начале 60-х годов представляют, несомненно, один ясно определившийся тип — тип демократически настроенного интеллигента-разночинца. Но индивидуальные различия между ними, как они проявляются в их общественной, трудовой практике, отражают развитие в этой среде двух близких, но различных типов, которые явственно определились в жизни. Это, с одной стороны, тип интеллигента-разночинца, всецело посвятившего свою жизнь просветительской деятельности, пропаганде революционных идей в массах, непосредственному участию в освободительном движении. С другой стороны, в образе Кирсанова намечаются черты передового русского ученого-материалиста.

Кирсанов в соответствии со своими личными склонностями главное внимание, время и силы отдает научной деятельности, видя ее смысл и значение в том, чтобы она также служила интересам народа, во имя которого трудятся и борются новые люди. При этом оба — Лопухов и Кирсанов — одинаково понимают значение и той и другой формы деятельности для прогрессивного развития общества, оба исходят из одинаковых убеждений и стремлений.

Лопухову, конечно, близки интересы развития русской материалистической науки, которую развивает Кирсанов, а Кирсанов, в свою очередь, горячо сочувствует деятельности Лопухова, всегда готов оказать ему содействие и помощь, сам пропагандирует передовые взгляды среди своих учеников и младших товарищей. Однако *основной* формой его деятельности, его служения обществу является именно наука, и это определяет характер его быта и отношений с людьми.

Близость и различие характеров Лопухова и Кирсанова раскрывают типичную особенность русской жизни того времени, неразрывную связь между освободительным движением 60-х годов и подъемом русской материалистической науки, которая дала стране таких великих ученых-демократов, как Сеченов, Тимирязев, Менделеев, Мечников и др.

Чернышевский подчеркивал мысль о громадном прогрессивном значении науки, о том, что победы материалистического естествознания исключительно важны для освободительного движения и что только на основе материалистического мировоззрения, в неразрывной связи с передовыми освободительными идеями возможны серьезные победы науки. Кирсанов — молодой представитель русской передовой науки. «От меня начинают ждать больше, — говорит он о себе, — думают, что я переработаю целую большую отрасль науки, все учение об отправлениях нервной системы. И я чувствую, что исполню это ожидание».

Таким образом, черты индивидуального своеобразия характеров являются у Чернышевского не только формой выражения, образного воплощения типического, но и отражением существующих в самой жизни различных тенденций дальнейшего исторического *развития* типического.

Своеобразие характеров Лопухова и Кирсанова проявляется также и в личной жизни, в отношении к женщине. Их объединяют общие моральные представления, они одинаково понимают любовь. Однако, при единстве морально-этических взглядов на отношение к женщине и семье, у них проявляются также и особенные свойства их характеров, которые в *личных отношениях* играют, по мысли Чернышевского, очень важную и даже определяющую роль.

Только индивидуальными различиями характеров объясняется в романе тот, например, факт, что Вера Павловна при самой горячей симпатии, благодарности и уважении к Лопухову полюбила все же Кирсанова и только с ним достигла полного счастья в семейной жизни.

Чернышевский остается последовательным реалистом, когда он изображает исключительную роль индивидуального своеобразия характеров в любовных отношениях. Но в объяснении и художественной конкретизации тех индивидуальных особенностей, которые привели к семейно-бытовой коллизии, сказываются некоторые слабости рационалистического понимания «человеческой природы» у Чернышевского. Рисуя своих героев в личном быту и семейных отношениях, Чернышевский не достигает того гармонического, полного слияния типического и индивидуального, которое эти же герои обнаруживают в сфере общественной. Индивидуальные черты Лопухова, Веры Павловны, Кирсанова нередко выступают как простой привесок к типическому, как добавочная характеристика, не рожденная органически самим содержанием характеров, но приписанная им более или менее произвольно. Например, Вера Павловна любит понежиться в постели по утрам, любит чай со сливками, дорогую и изящную обувь «от Королева». Ей

свойственна несколько слащавая лексика в домашнем общении. Она рисуется как существо живое и общительное, любящее посмеяться и потанцевать. К этому, собственно, сводятся черты индивидуального своеобразия ее характера.

Какие черты индивидуального своеобразия Лопухова и Кирсанова определили отношение к ним Веры Павловны? Дело сводится к тому, что Лопухов «по натуре» человек замкнутый, что ему необходимо время, когда он наедине с собою разбирается в своих чувствах и мыслях и отдыхает. Вера Павловна и Кирсанов, наоборот, люди общительные, имеющие потребность непрерывно делиться друг с другом каждым чувством, побуждением, впечатлением.

Эти различия проявляются только в интимной жизни, потому что в общественной сфере Лопухов, по своему призванию пропагандиста, еще более общителен, чем Кирсанов.

Лопухов разъясняет: «Я принадлежу к людям не общительным, она --- к общительным. Вот и вся тайна нашей истории».

Такое разъяснение включает в себе значительную долю рационалистического схематизма. Во-первых, обязательным условием счастливой любви и семейной жизни объявляется не только единство общих стремлений и убеждений, единство моральных требований, но и полное *совпадение* индивидуальных особенностей, составляющих своеобразие личности. В счастливой любви Веры Павловны и Кирсанова Чернышевский подчеркивает именно *тождество* их индивидуальных склонностей, интересов и вкусов.

Во-вторых, вопреки собственному реалистическому изображению индивидуального своеобразия характеров в связи с их творческими задатками и трудовыми навыками, Чернышевский утверждает, что это своеобразие проявляется главным образом в личной, интимной жизни, особенно в то время, когда человек отдыхает. Поэтому индивидуальное своеобразие Лопухова, по его собственным словам, не проявляется в труде и наслаждении, а только в способе отдыхать: «В труде и в наслаждении люди влекутся к людям общею могущественною силою, которая выше их личных особенностей... В отдыхе не то. Это не дело общей силы, сглаживающей личные особенности: отдых наиболее личное дело, тут натура просит себе наиболее простора, тут человек наиболее индивидуализируется, и характер человека всего больше выказывается в том, какого рода отдых легче и приятнее для него».

В действительности индивидуальное своеобразие человека в творческой, деятельной стороне его жизни проявляется не менее, если не более ярко, чем в покое и отдыхе.

Схематично и само разделение человеческой жизни «на три части»: «труд, наслаждение и отдых» и стремление прикрепить индивидуальное своеобразие только или главным образом к отдыху. Лопухов пишет Вере Павловне: «В труде мы действуем под преобладающим определением внешних рациональных надобностей; в наслаждении — под преобладающим определением других, также общих потребностей человеческой природы. Отдых, развлечение — элемент, в котором личность ищет восстановления сил от этого возбуждения, истощающего запас жизненных материалов, элемент, вводимый в жизнь уже самою личностью; тут личность хочет определяться собственными своими особенностями, своими индивидуальными удобствами».

С этой точки зрения единственным источником всех различий между людьми одного социального типа является «разность натур», т. е. природных свойств человека. В разговоре с «проницательным читателем» Чернышевский, утверждая, что новые люди представляются совершенно одинаковыми только глазам чуждого и враждебного им социального круга, пишет: «а сами между собою они находят очень большие разности понимания, по *разности натур*¹. Но как теперь уловить эти разности натур и понятий между ними?».

Лопухов, взгляды которого несомненно разделяет автор, прямо отождествляет понятие «натура» и «индивидуальность», употребляя их как выражения синонимические: «каждому довольно трудно понять особенности других натур; всякий представляет себе всех людей по характеру своей индивидуальности».

Индивидуальные черты характера Екатерины Васильевны Полозовой (тихая задумчивость, любовь к уединенному размышлению, спокойствие в противоположность шумной общительности и горячей порывистости характера Веры Павловны), по словам Чернышевского, «происходили из собственной ее натуры».

Решающее значение для развития характера Рахметова имеют тоже природные свойства его личности: «задатки в прошлой жизни были, но чтобы стать таким особенным человеком, конечно, главное — натура».

Ясно, что понятие «натура» заключает у Чернышевского совокупность природных сил, возможностей и особенностей каждого отдельного человека и что именно в этой естественной природе он видит источник всего индивидуального своеобразия личности.

¹ Выделено нами. — Г. Т.

Сильная сторона взглядов Чернышевского в этом вопросе заключается в том, что он не противопоставляет натуру человека обстоятельствам его жизни, его общественной практике. Он правильно считает и реалистически показывает, что свойства натуры находятся в постоянном взаимодействии с общественными обстоятельствами жизни человека, что натура поэтому не есть нечто неподвижное, неизменное, застывшее. Те или иные природные свойства человека заглушаются или развиваются обстоятельствами. Кирсанов говорит о себе: «Я много, вероятно, больше, чем натуре, обязан развитию». Наклонность или способность, данная человеку природой для того, чтобы она реализовалась, должна быть «развита жизнью». Эксплуататорское общество враждебно интересам и потребностям человеческой натуры: «Будет время, когда все потребности натуры каждого человека будут удовлетворяться вполне, это мы с тобой знаем, — говорит Кирсанов Лопухову, — но мы оба одинаково твердо знаем, что это время еще не пришло».

Но отождествление индивидуального своеобразия характера с «натурой» имеет и свою слабую сторону. В нем сказывается метафизическое представление о сущности и происхождении самой этой «натуры», а стало быть и об индивидуальном своеобразии человека как о *продукте природы, а не истории*, непонимание общественной природы индивидуальных сил и склонностей человека. При этом в ряде случаев эти индивидуальные особенности объявляются чем-то не зависимым ни от общества, ни от самого человека и его общественной практики. «Против своей натуры человек бессилён», — говорит Лопухов и поэтому отказывается от какой бы то ни было ломки своего характера или характера Веры Павловны в интересах сохранения прежних семейных отношений.

О решающем значении натуры говорит и Рахметов: «Невозможно заменить вполне натуру ничем, натура все-таки действует гораздо убедительнее».

Здесь сказывается отношение к свойствам человеческого характера как к стихии природы, не зависящей ни от общественных условий, ни от сознательных усилий человека. Только исторический материализм объяснил сущность человека как совокупность всех общественных отношений. Историческая ограниченность взглядов Чернышевского на человеческую «натуру» сильнее всего сказывается в изображении индивидуального своеобразия героев в сфере личной жизни.

Вопрос о принципах индивидуализации образов у Чернышевского выделен в особую главу в интересах более четкого теоретического расчленения вопросов реалистического мастерства писателя. Вообще же проблема индивидуализации яв-

ляется неотъемлемой составной частью вопроса о путях создания типического характера в реалистическом искусстве.

Неразрывное единство типического и индивидуального в реалистическом образе выступает со всей наглядностью как только мы перейдем от установления философских истоков и общих принципов типизации и индивидуализации к конкретному анализу художественной ткани произведения, к рассмотрению тех художественных приемов и средств, при помощи которых писатель создает живые образы своих героев.

У Чернышевского можно выделить, например, целый ряд особенностей художественного раскрытия внутренней психологической жизни героев. Во-первых, психологические движения героев в «Что делать?» большей частью раскрываются не от автора, не путем авторской передачи того, что чувствуют герой, а через психологические размышления героев о себе и окружающих. Так психологическое состояние Веры Павловны в период ломки ее семейной жизни раскрывается то в форме сна, в котором Вера Павловна догадывается, что она не любит больше Лопухова; то в форме ее размышлений о Лопухове и спора его с Кирсановым; то в форме письма Лопухова. Лопухов вдумчиво следит за психологическим состоянием Веры Павловны, упрекая себя в том, что раньше он был недостаточно внимателен в этом отношении. Рахметов дает блестящий психологический анализ поведения Лопухова, и т. д.

Вторая особенность психологического раскрытия образов вытекает из первой: «диалектику души» Чернышевский передает не живым непосредственным изображением потока сложных и противоречивых чувств в процессе их возникновения и развития в душе человека, как это делает, например, Л. Толстой, а вдумчивым анализом этих чувств и побуждений с точки зрения интересов развития и счастья героев. Сложные и противоречивые явления человеческой психологии с помощью рационалистического анализа предстают в упорядоченном виде. Это связано с тем, что Толстой относится к чувствам как к стихии, не управляемой волей, а Чернышевский воспитывает веру в силу разума и убеждение, что человек может управлять не только своими поступками, но и чувствами.

Чернышевский не описывает душевное состояние героя, не рассказывает, что он думал и чувствовал, а включает в авторскую речь прямую передачу мыслей и чувств в той словесной форме, в какой герой мыслит. Отбор слов и синтаксические конструкции определяются при этом кругом понятий и представлений, образом мышления самого героя. Чернышевский исходит здесь из глубокого понимания единства языка и мышления, из понимания того, что мысль не существует вне языкового материала. Это прекрасно иллюстрируется характером

внутренних монологов в романе. Они построены на том языковом материале, который типичен для того или иного героя. Мы узнаем не только *что* он думает, но и *как* он думает. Можно показать эту особенность на сравнении лексического состава и синтаксического построения внутренних монологов, отражающих психологию, например, Лопухова и Марьи Алексеевны.

Внутренние монологи, характеризующие образ мысли Марьи Алексеевны, резко отличны от размышлений Лопухова не только по *содержанию* мысли и чувства, но и по *форме*, т. е. по языку. Вспомним, например, как Чернышевский от авторского изложения мыслей Марьи Алексеевны, когда она выспросила подробности о мнимой невесте Лопухова, переходит к ее внутреннему монологу: «А теперь она была в полном удовольствии от него. В самом деле, какой солидный человек! И ведь не хвастался, что у него богатая невеста: каждое слово из него надобно было клещами вытягивать. И как пронохивал-то — видно, давно уж думал подыскать богатую невесту, — и, поди, чать, как примазывался-то к ней! Ну, этот, можно сказать, умеет свои дела вести. И с документов прямо так и начал, да и говорит-то как! «без этого, говорит, нельзя, кто в своем уме» — редкой основательности молодой человек!»

Эмоциональная форма, выраженная главным образом в восклицательных предложениях, обилие просторечной вульгарной лексики, своеобразное словоупотребление, когда в обычные слова вкладывается специфически-мещанское значение, — все это с необычайной точностью воспроизводит типичные для Марьи Алексеевны черты ее морального облика. «Солидность» или «основательность» в ее словоупотреблении означают похвалу корыстолюбию и умению наживаться. Выражения «пронохивал-то», «примазывался-то» отражают вульгарность представлений о жизни и человеческих отношениях и т. д. В других многочисленных внутренних монологах Марьи Алексеевны можно указать еще на обилие бранной лексики, часто употребляемой в смысле похвалы или одобрения, а также на исковерканные иностранные слова мещанского жаргона.

Другой прием психологической характеристики — авторский комментарий к поступкам или прямым высказываниям героев, анализ истинных, скрытых побуждений героев. Ярким образчиком такого приема психологической характеристики является в «Что делать?» комментарий автора к словам Марьи Алексеевны: «Друг мой, Верочка, что ты все такой букой сидишь? Ты теперь с Дмитрием Сергеевичем знакома, попросила бы его сыграть тебе в аккомпанемент, а сама бы спела!»

Чернышевский раскрывает истинное значение этих слов, подлинные намерения и побуждения Марьи Алексеевны:

смысл этих слов был: «мы вас очень уважаем, Дмитрий Сергеич, и желаем, чтобы вы были близкими знакомыми нашего семейства; а ты, Верочка, не дичись Дмитрия Сергеича, я скажу Михаилу Иванычу, что уж у него есть невеста, и Михаил Иваныч тебя к нему не будет ревновать»... для самой Марьи Алексевны слова ее имели третий, самый натуральный и настоящий, смысл: «Надо его приласкать; знакомство может впоследствии пригодиться, когда будет богат, шельма»; это был *общий смысл* слов Марьи Алексевны для Марьи Алексевны, а кроме общего, был в них для нее и *частный смысл*¹: «приласкавши, стану ему говорить, что мы люди небогатые, что нам тяжело платить по целковому за урок». Вот сколько смыслов имели слова Марьи Алексевны».

Этим приемом рельефно выделяется та черта характера Марьи Алексевны, которая особенно тяготила Веру Павловну даже в позднейших воспоминаниях о родительском доме, когда она уже отвыкла «от тяжелой атмосферы хитрых слов, из которых каждое произносится по корыстному расчету».

Психологическая характеристика, созданная приемами внутреннего монолога и авторского комментария к словам и поступкам героя, выступает как могучее средство типизации. Лексика и фразеология размышлений Марьи Алексевны подчеркивает и выделяет наиболее существенные черты мышления и психологии своекорыстного мещанства. И в то же время этими приемами создается чрезвычайно конкретный и характерный образ мелкой чиновницы Марьи Алексевны с ее семейно-бытовыми интересами и твердо сложившимся критерием оценки людей, с ее специфической домашней дипломатией и представлениями о приличии и «благородстве». Типическое и индивидуальное слиты здесь так тесно и органично, что просто не поддаются расчленению.

Для психологической характеристики Лопухова также используется прием внутреннего монолога.

Чернышевский передает душевное состояние Лопухова после решения немедленно жениться на Вере Павловне: «Жертва — ведь этого почти никак нельзя будет выбить из ее головы. А это дурно. Когда думаешь, что чем-нибудь особенным обязан человеку, отношения к нему несколько натянуты. А ведь узнает. Приятели объяснят, что вот такая предстояла карьера. Да хоть и не объясняли бы, сама сообразит: «ты, мой друг, для меня вот от чего отказался, от карьеры, которой ждал», — ну, положим, не денег, — этого не взведут на меня ни приятели, ни она сама, — ну, хоть и то хорошо, что не будет думать, что «он для меня остался в бедности, когда без меня был

¹ Выделено нами. — Г. Т.

бы богат». Этого не будет думать. Но узнает, что я желал ученой известности и получил бы. Вот и будет сокрушаться... И ведь уже показался всход этой будущей жатвы: «ты, говорит, меня из подвала выпустил, — какой ты для меня добрый». Очень нужно было бы мне выпускать тебя, если бы самому это не нравилось. Это я тебя выпускаю, ты думаешь? — Стал бы заботиться, как же, жди, как бы это не доставляло мне самому удовольствия! Может быть, я самого себя выпустил. Да, разумеется, себя: самому жить хочется, любить хочется, — понимаешь? — самому, для себя все делаю!»

Уже отбор слов и оборотов, в которых выражается ход мысли и чувства Лопухова, отражает типичные черты мышления интеллигента-разночинца, соединяющего в себе органическую близость к простому народу, демократизм и высокое интеллектуальное развитие, образование, широту культурного кругозора. Это выражается в умении просто думать и говорить о сложнейших теоретических вопросах и, наоборот, теоретически широко обобщать самые обыденные, бытовые явления и факты. Поэтому со стороны лексического состава его мысль выражается в совершенно свободном и естественном сочетании сложных абстрактных понятий и терминов с просторечной лексикой: с одной стороны, — «жертва», «теория», «ученая известность», «иллюзия», «фантазия», «признательность», «профессор», с другой стороны — «выбить из головы», «не взвсдут на меня», «сапоги всмятку», «локти продраны», «какого рожна» и т. д.

Элементы книжности и просторечья включаются в общий бытовой тон без всякого контраста или напряжения, совершенно естественно и просто, потому что для Лопухова все эти сложные моральные проблемы и психологические противоречия — обычное житейское явление, о котором он думает без всякой выпренности.

О языке положительных героев романа «Что делать?» Плеханов говорил, что все они рационалисты, поэтому говорят одинаковым и притом абстрактным языком. Луначарский был совершенно прав, когда полемизировал против этого осуждения языка героев Чернышевского: «Когда Чернышевский выводит людей обывательского типа, они у него очень сочны, но он предпочитает выводить людей умных. Мы сами с вами, читатель, принадлежим к числу людей, которые очень много говорят об умных вещах и стараются говорить о них умно. При этом, конечно, речь наша оказывается до некоторой степени книжной. Ведь приходится употреблять соответственные термины, аргументы и т. д. Но, может быть, вследствие этого, чтобы избежать рационализма, нужно изгнать из романа умных людей или показывать умного человека не тогда, когда он

спорит и развертывает свои идеи, а тогда, когда он сидит на скамеечке под жасмином при луне и объясняется в любви? В том-то и дело, что Чернышевскому важнее всего было то, как его герои мыслят, если только эти мысли не были праздной болтовней, а были основанием дела»¹.

К этому следует еще добавить, что, во-первых, о сложных и отвлеченных предметах новые люди говорят без малейшей аффектации, как о вещах простых и близких, включая в свою речь наряду с книжными словами и оборотами и самые простонародные выражения. Это характерно не только для Лопухова, но и для Кирсанова и Веры Павловны. Во-вторых, во внутренних монологах положительных героев типическое выступает в живом, органическом единстве с индивидуальным. Так, в цитированном выше внутреннем монологе Лопухова проступают не только черты, типичные для психологии большинства «новых людей», но и те, которые отражают его индивидуальные склонности, отличающие его от Кирсанова. Особенность пропагандиста передовых идей сказывается, например, в том, что даже размышление наедине с самим собою у него принимает форму спора, полемики против неправильного, ложного истолкования принятого им решения. Это, собственно, не «внутренний монолог», а «внутренний диалог», в высшей степени характерный для мышления Лопухова: он вырабатывает свои взгляды в непрестанной полемике против традиционных, общепринятых, господствующих понятий и представлений. Противопоставление новых идей укоренившимся, консервативным представлениям стало для него, как пропагандиста, привычным. Его логика диалектична, движется через раскрытие противоречий, поэтому и мысль его развивается в формах диалога, внутреннего спора. Повседневная пропаганда новых взглядов сказывается в речи Лопухова. Ему больше, чем Кирсанову или Мерцалову, свойственно прекрасное знание народного языка, умение пользоваться его лексикой и идиоматическими оборотами, умение с каждым говорить на языке собственных собеседнику понятий. Так, Лопухов, в своих разговорах с Марьей Алексеевной совершенно свободно ограничивает свою речь кругом близких ей представлений, пользуется пословицами и поговорочными оборотами, простонародными словами и выражениями: «Мы с вами, Марья Алексевна, старые воробы, нас на мякине не проведешь. Мне хоть лет много, а я тоже старый воробей, тертый калач, так ли, Марья Алексевна?

— Так, батюшка, тертый калач, тертый калач!»

¹ А. Луначарский, Русская литература, Гослитиздат, 1947, стр. 187.

Он никогда не говорил с Марьей Алексеевной о вопросах, выходящих за пределы ее узко личных интересов не только из осторожности, «хотя был осторожен», но и потому, что «имел настолько рассудка и деликатности, чтобы не мучить человека декламациями, непонятными для этого человека».

Лопухов обладает особенно необходимым для пропагандиста умением разбирать, в каком случае как надо говорить.

Со Сторешниковым, например, Лопухов разговаривает так, чтобы поручик почувствовал его превосходство. Вообще же с людьми чуждого и неинтересного для него круга Лопухов молчалив и немногословен. Вот образец его разговоров:

«— Не правда ли хорошо? — сказал Михаил Иванович учителю по поводу песенки, исполненной Верочкой.

— Да, хорошо.

— А вы знаток в музыке?

— Так себе.

— И сами музыкант?

— Несколько...

— А на чем вы играете, Дмитрий Сергеевич? — спросила Марья Алексеевна.

— На фортепьяно.

— Можно ли попросить вас доставить нам удовольствие?

— Очень рад».

Если Пушкин был прав, когда писал, что «первый признак умного человека — с первого взгляду знать, с кем имеешь дело», то этот признак ярко проявляется в речевой манере Лопухова. Эти черты сближают его с Рахметовым. В речевой характеристике Рахметова, так же как во всех деталях образа Лопухова, типичное и индивидуальное слито неразрывно. Те особенности, которые только намечены в образе Лопухова, у Рахметова проявляются со всей яркостью и энергией, присущей этому образу. Содержание и форма его речей непосредственно зависят от места, времени, собеседника. Если Лопухов и Кирсанов поневоле прибегают к эзоповскому языку аллегорий и недомолвок, то Рахметов — профессиональный революционер совсем не имеет возможности свободно говорить о том, что больше всего занимает его мысли. По этой причине Рахметов особенно молчалив и немногословен в разговорах с малознакомыми людьми: «Он никогда не говорит ничего, кроме того, что нужно», — сообщает Лопухов, и сам Рахметов как бы подтверждает это наблюдение: «Я не говорю напрасных слов».

Однако при соответствующих обстоятельствах он может быть разговорчив, весел, шутлив, как в случае, когда он приходит к Вере Павловне с письмом от Лопухова. «Так эта записка служит причиной новой ссоры между нами? — сказал

он, опять смеясь: -- если так, я отниму ее у вас и сожгу, ведь вы знаете, про таких людей, как мы с вами, говорят, что для нас нет ничего святого. Ведь мы способны на всякие насилия и злодеяния». Веселая ирония, шутка, свободная, легкая фраза кажутся неожиданными в Рахметове даже для Веры Павловны: «Куда девалась скучная торжественность тона Рахметова! Он говорил живо, легко, просто, коротко, одушевленно». Он сам поясняет, что в иных обстоятельствах он бы «целый день шутил да хохотал». Но пока в его речи, так же как в его мыслях, преобладают только соображения революционной целесообразности, революционного долга, подчеркнутые частым употреблением слова: «надо», «надобно», «нужно». Эти слова настолько характерны для Рахметова, что по ним, как по подписи, узнают его. Так, услышав рассказ о русском путешественнике по Европе, друзья Рахметова узнают его по этим словам, пересказанным случайным собеседником: «Все это очень похоже на Рахметова, даже эти «нужно», запавшие в памяти рассказчика». Крайний лаконизм и энергия выражения отличают почти все случаи, когда автор приводит прямую речь героя. Даже в последнем разговоре с возлюбленной он в кратких и категорических словах выражает свое намерение расстаться с ней.

В то же время автор указывает на «огненные речи Рахметова», когда он находит «нужным» говорить откровенно и прямо о том, что его волнует: об интересах народа, о будущей революции.

В речевой характеристике главного героя романа Чернышевский был связан цензурными условиями. Поэтому, считая важным для раскрытия образа вопрос о том, «как он говорил», во многих случаях вместо передачи речей Рахметова автор вынужден характеризовать их особенности от своего имени.

В романе «Что делать?» Чернышевский достиг значительного мастерства индивидуализации характеров в их *общественных* проявлениях и трудовой деятельности. Он показывает, что дело борьбы за раскрепощение и счастливое будущее народа открывает разнообразные возможности развития и применения индивидуальных сил и способностей человека, что только на почве служения народу и возможно всестороннее духовное развитие личности.

Положительные герои Чернышевского не «рупоры духа времени», не бескровные посетители определенных гражданских добродетелей, но живые реалистические образы. Теоретически формулируя задачу реалистического изображения положительного героя, Чернышевский говорил: писатель должен уметь «изображать идеал человека так, чтобы этот идеал был не бес-

цветным отвлечением, не риторической фигурой, не бесплотным совершенством, а живым человеком, с румянцем горячей крови на щеках... это высочайшая ступень искусства».

Именно так изображен положительный герой в первом романе Чернышевского, благодаря глубокому пониманию законов реалистического искусства — законов типизации и индивидуализации образа.